

18+

ВЯЧЕСЛАВ ПЕШКОВ

Без возврата домой

ПОВЕСТЬ

Вячеслав Пешков

Без возврата домой. Повесть

«Издательские решения»

Пешков В.

Без возврата домой. Повесть / В. Пешков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503837-1

Людам, бежавшим из Москвы от падающих бомб в далёком сорок втором, не было предоставлено таких льгот и радушного приёма в тылу собственной страны. Они бежали от полыхающей войны, а оказались в заложниках у собственной власти. Где их встретили равнодушием, безразличием и хамством, грубостью и циничностью. А впрочем, всё по порядку. Эта история была рассказана участником тех событий. Фамилии, имена изменены.

ISBN 978-5-00-503837-1

© Пешков В.
© Издательские решения

Без возврата домой

Повесть

Вячеслав Пешков

© Вячеслав Пешков, 2020

ISBN 978-5-0050-3837-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть©

Людам, бежавшим из Москвы от падающих бомб, в далёком сорок втором, не было предоставлено радушного приёма в тылу собственной страны. Они бежали от полыхающей войны, а оказались в заложниках у собственной власти. Где их встретили равнодушием, безразличием и хамством, грубостью и циничностью. А впрочем, всё по порядку.

Эта история была рассказана участником тех событий. Фамилии, имена изменены.

ГЛАВА 1

Шёл сорок второй год. Немецкие войска наступали на нашу Родину со всех сторон. Советская армия несла огромные потери, силы были неравные.

Всё для фронта. Под таким лозунгом работали заводы, фабрики, предприятия городов, колхозы сёл и деревень работали на износ. Катастрофически не хватало рабочей силы. Всё больше и больше населения нашей страны уходило на фронт.

Беженцы и переселенцы, ехали вглубь страны, подальше от бомбёжек, разрухи и смерти.
***

Всю ночь, не сбавляя скорости, паровоз тянул переполненный пассажирский состав, без остановок. Ведь днём железная дорога, могла быть подвергнута бомбёжкам. Только на больших станциях, локомотив немного притормаживал и в полной темноте, еле различимо было видно, как тяжёлые составы, встречно двигались в сторону Москвы. Зачехленная брезентом военная техника танки, пушки, были расставленные ровными рядами вдоль железнодорожного состава.

Локомотив проехал ещё одну станцию и после поворота, опять ускорил ход.

Маша смотрела в окно вагона. Чёрный дым паровоза стелился «одеялом» по всему местному ландшафту. Промелькнула небольшая речка, которая извилисто протекала по глубокому оврагу. На утреннем небе появились облака, которые кудрявыми барашками как будто плыли за уходящим поездом. Мимо мелькала и проносилась чужая жизнь, как в мимолётных картинках, словно в кинокадрах.

В своих мыслях Маша была где-то далеко, она думала о своих детях, что ждёт её там, вдали от Москвы. С какими трудностями придётся ей столкнуться. На что жить?

– Эй, милая, а ну возьми-ка, возьми, детей покормишь.

Маша обернулась и увидела рядом старика.

Старик достал из корзины яблоки, пирожки и выложил рядом.

– Как проснутся, покушают.

– Спасибо дедушка, у меня всё есть, – ответила Маша.

– Ну и что, я угощаю. Я-то почти приехал, через пару часов будет большая станция Мичуринск и я почти дома.

Дед немного задумался, затем продолжил:

– А ты, что же, москвичка?

– Да, москвичка, – ответила Маша.

- Дааа. Ну а муж твой, небось воюет? – Опять спросил дед.
- Муж? Маша посмотрела на детей, немного помолчав, ответила:
- Мой муж погиб, похоронка пришла.
- Похоронка, извини дочка, извини. Я-то знаю, что такое война, что такое смерть. Ведь первую мировую-то я всю прошёл, чудом выжил. А ведь, сколько смертей повидал, одному Богу известно. А, в Москве-то, где жили? – Опять поинтересовался дед.
- В Москве, мы жили в Черёмушках дедушка, – снова ответила Маша.
- Меня зовут Архип Иванович, А тебя-то как звать?
- Меня? А меня просто Маша.
- Маша, красивое имя. Дааа, – с выдохом произнёс дед.
- Страшно, небось в Москве-то было?
- Да, очень страшно. Немецкие самолёты сбрасывали бомбы прямо на жилые дома, всё тряслось, горело, даже страшно себе представить, что мы пережили.
- Эээх, вот она участь то, и вам досталась. А в эвакуацию как попали?
- В эвакуацию. Это случилось совершенно неожиданно, ночью к нам пришли военные и приказали всем срочно покинуть квартиры. Я собрала детей, взяла самое необходимое, документы, деньги и вышла на улицу. Около подъезда нас ждала машина. И вот под покровом ночи, без света фар, нас привезли на железнодорожный вокзал. А там, был полный хаос. Вагоны набивали людьми, детей передавали по рукам, даже случалось, отдавали не тем родителям, затем возвращали назад или даже теряли. И я чуть не потеряла свою дочь. Когда с другой стороны вагона, один мужчина закричал:
- Чей это ребёнок, я чуть не лишилась дара речи. Я крикнула изо всех сил: сюда, сюда, это мой ребёнок! А ведь её уже хотели передать на перрон. Вы даже не представляете, что я испытала в тот момент.
- О Господи, Боже ты мой, ведь чуть не потерять дитё. Вот война, вот война, будь она проклята, – возмущённо проговорил старик. Ну, а где же твои вещи?
- Всё осталось на перроне в Москве, их просто не разрешили занести в вагон. Да какое уж там, сами еле смогли уехать, – сказала Маша.
- За разговором время прошло быстро. Поезд стал немного притормаживать, впереди была большая узловая станция.
- Локомотив сбавил ход и медленно тащился, поскрипывая колёсами. Переходя с одной стрелки на другую, его немного покачивало из стороны в сторону. Вдоль железнодорожного полотна появились старые одноэтажные дома, это был пригород Мичуринска.
- Старый паровоз лениво тащил за собой вагоны, он пересёк автомобильную дорогу, где прямо перед закрытым шлагбаумом стояли несколько машин и одна повозка.
- Поезд, чуть сбавив ход, продолжал свой путь. Вдруг прямо перед окном что-то пронеслось с большим грохотом, пар смешался с чёрным дымом и затмил всё, это прошёл встречный, он набирал ход, вся его тепловая энергия раскаленного котла переходила в механическую тягу. Состав набирал скорость за тянущим его локомотивом. Вагонов было немного, следом шли платформы. Что на них стояло непонятно, всё было плотно укутано брезентом, скорее всего это была военная техника.
- Мелькнув последним вагоном, встречный исчез так же неожиданно, как и появился.
- Через несколько минут показался длинный перрон. Кажется, он был просто бесконечным. Вагон катился по железнодорожному полотну вдоль ровной и хорошо вычищенной дорожки.
- Поезд медленно протянул вперед, скрипнул тормозами и остановился. По перрону забегали люди с большими мешками, баулами. Рядом вдоль привокзального тротуара сидели торговки и продавали картошку, помидоры, огурцы и яблоки.
- Что же дочка, сейчас я выхожу, приехал. – Сказал старик.

Маша обернулась. Добрый попутчик перекинул мешок через плечо и добавил:

– Доброго пути тебе, прощай.

– И вам, вам всего доброго, – ответила Маша.

Старик немного замешкался в проходе вагона, посмотрел на молодую женщину и сказал:

– Послушай-ка, а может, остановишься у нас здесь в Мичуринске? Ведь мы живём вдвоём с бабкой, а дом-то большой, всем места хватит и детишкам твоим не скитаться по всей стране а, как ты думаешь?

Маша немного засмушалась, она подошла к старику, на её лице появилась улыбка.

– Спасибо вам Архип Иванович, спасибо. Вы добрый человек, но нет, мы не останемся здесь, незачем.

– То есть как незачем, что же ты собираешься делать дальше, куда поедешь? – Возмутился дед.

– Да что вы Архип Иванович, мы же в советской стране живём, наша партия не оставит без куска хлеба, ничего проживём как нибудь, ведь сейчас всем трудно.

– Да, да конечно, трудно сейчас всем, это правда. Ну что же, прощай коли так.

Старик поправил мешок на плече и неспешно направился к тамбуру, где собралась небольшая очередь на выход к перрону.

По коридору вагона тем временем прошло несколько человек в военной форме. Важно осматривая пассажиров, они как будто кого-то искали. Впереди медленно переминаясь с ноги на ногу, шёл офицер, а следом за ним несколько солдат с оружием. Но, как оказалось, это был обычный военный патруль. У каждого солдата на руке красовалась широкая красная повязка, на которой большими буквами написано КОМЕНДАТУРА.

Послышался громогласный голос. Человек в штатском держал в руках здоровенный список и зачитывал фамилии эвакуированных, которые прибыли к месту своего временного проживания. В этом вагоне он был старшим и сопровождал его от самой Москвы.

За всё время пути это была первая остановка поезда, где высаживали целые семьи из эвакуации.

Сопровождающий назвал ряд фамилий, но люди уже стояли в проходе где создалась небольшая очередь к выходу. Наверное, они знали заранее свою станцию. Чемоданы, баулы, мешки занимали весь проход коридора. Люди толпились, продвигались вперёд очень медленно, спотыкаясь и наступая друг другу на ноги. Слышалась ругань, вопли детей.

В вагоне было очень душно, и стоял неприятный запах.

Где-то в начале очереди громко кричал маленький ребёнок. Молодая мама, никак не могла его успокоить. То одной, то другой игрушкой покрутит перед глазками малыша, но нет, ничего не помогало, и звонкий крик ребёнка продолжал разноситься по всему вагону.

Через некоторое время проход вагона до самого тамбура был пуст. Суетливые пассажиры, ехавшие в поезде, уже были на перроне вокзала. Внезапно заморосил дождь. На привокзальных дорожках образовались мелкие лужицы. Тучи заволокли всё небо окончательно, и дождь стал усиливаться. Дожди в июне обычно длятся недолго, пройдёт ливень, да ещё с грозой и быстро почти бесследно утихнет. Вот только лужи да грязь напоминает о нём.

Лучи солнца снова пробиваются через редяющие облака. Где-то вдалеке появляется радуга, красуясь своими разноцветными лучами. Всё как бы оживает и приобретает новый вид. В природе, снова начинается жизнь.

В этот день, дождь начался затяжной, почти как осенний, мелкий и холодный. На улице заметно потемнело, хотя день только начинался. На привокзальном перроне почти никого не осталось, все куда-то разошлись, разъехались.

Маша смотрела в окно на капельки дождя. В её душе была тоска да полная неизвестность предстоящих событий. Где-то в глубине сознания затаился страх, который не давал ей покоя. Она не знала, что будет дальше, что ждёт её там, на незнакомой и чужой земле. Но боялась она

не за себя, а за детей, которые сладко спали и беззаботно сопели на мягкой лежанке уютного вагона.

Локомотив дёрнул состав, и колёса снова заскрипели. Уже почти опустевший перрон стал медленно удаляться. Вслед за ним остались позади дома, которые далеко растянулись вдоль железнодорожного полотна, затем медленно отдалился и сам город.

ГЛАВА 2

На небольшой станции Ломовис юго-восточной железной дороги, что находится вблизи села Никольское Платоновского района, скопилось несколько эшелонов с длинными составами вагонов.

Местные диспетчеры должны пропустить эшелон с ранеными бойцами в сторону г. Тамбова, с южного направления железнодорожной ветки. Поэтому все поезда, следовавшие в обратном направлении, переводили на временную стоянку запасного пути.

По особому распоряжению, пропустили только спецпоезд с военной техникой и пассажирский, который должен прибыть с минуты на минуту.

Рядом со старым деревянным вокзалом стояли несколько повозок. К длинному бревну были привязаны лошади. Они неохотно жевали сено, изредка вздрагивали при звуке гудка проезжающего мимо паровоза.

Несколько мужиков собрались на одной из повозок. Удобно расположившись на расстеленной соломе, они играли в карты и изредка поглядывали в сторону перрона.

– Слышь Михалыч, пора бы московскому подойти, – небрежно поправив фуражку, сказал молодой парень.

– Господь с тобой, да куда ж он денется, – быстро протараторил Михалыч.

Он посмотрел на свою колоду карт, задумчиво хмыкнул и опять продолжил:

– Ты Алексей всё куда-то спешишь и спешишь. Ну, вот какая тебе разница, когда он подойдёт? Тебе что, плохо сидится?

– Да что ты, дед Михалыч, мне-то куда спешить, я всего лишь почтальон, такой же как и ты.

– Вот и правильно. Ведь мы, так сказать люди разъездного характера, всегда в пути. Ну, а ежели есть возможность посидеть, отдохнуть, ну и почему же нам не перекинуться в картишки? А, что скажешь!?

– Да дед Михалыч, твоя правда.

Несмотря на свой возраст, Алексей был здоровенным парнем. Его плечи, мышцы рук, выглядели как у сильного мужика, но по возрасту ему исполнилось только семнадцать. Он отрастил себе усы, чтобы выглядеть немного старше. Только это не девчонок завлекать, а для того, чтобы пойти в армию и воевать на передовой. Вот только усы ему не помогли, они были редкими и совсем тонкими, да ещё военком требовал свидетельство о рождении, а там... Так и выгнали его из военкомата.

А вот дед Михалыч, несмотря на свой восьмой десяток, был худым, очень подвижным стариком. Его седая борода была коротко и ровно стрижена, как будто её только что отрезали ножницами. Из-под густых бровей смотрели маленькие чёрные и хитрые глазки. Он был маленького роста и немного прихрамывал на одну ногу, сказывалось ранение ещё с первой мировой войны. А вот рассказчиком был просто необыкновенным. Как начнёт «заливать» в компании мужиков, то ли правда, то ли нет но ухахатывались все до упада.

– Тут! Едрит твою в балалайку, кажись я опять проиграл.

Дед бросил свои карты и встал с телеги. Раздался смех в компании.

– Это тебе Михалыч не Маруську кнутом погонять, здесь думать надо! – Крикнул вслед кто-то из мужиков и опять все засмеялись.

– Эх, смешно вам. А ну, вставай Алёшка пойдём, подгоним телегу к концу перрона, к почтовому поближе.

Алёшка отложил карты и неохотно слез с телеги.

– Эй! Михалыч Маруську не забудь, – слышался выкрик вслед, но дед уже не обращал никакого внимания.

Издали слышался паровозный гудок. Алексей обернулся и увидел как вдалеке у самого леса, перед поворотом, огромные клубы дыма поднимаются вверх. Паровоз тяжело тянул пассажирский состав к станции.

Время прибытия и стоянки было ограничено, поэтому машинист старались подавать эшелоны строго по графику.

– Михалыч, смотри московский подходит! – Громко крикнул Алексей.

Он обернулся к старику, который успел задремать в телеге и чуть потянул за узду. Лошадь дёрнула телегу и Михалыч, задрал ноги, кверху растянулся по всей повозке.

– Уть ты, Алёшка! Ты что так кричишь, едрит твою в балалайку, я же не глухой и не слепой, вижу.

– Да я думал, ты спишь дед Михалыч.

– Сплю!?! Да я никогда не сплю на своём посту, – выговорился дед и опять поудобнее уселся в телеге. Он что-то хмыкнул себе под нос, затем достал из кармана махорку, хотел свернуть самокрутку, но почему-то передумал.

– Ты знаешь Алёшка, ведь в первую мировую я служил в разведке. Бывало, сидишь в лесу в укрытии и думаешь...

Не успел дед дорассказать свою историю, как с громким фырканием и скрипом тормозных колодок, к перрону вокзала прибыл пассажирский поезд.

На перроне маленькой станции сразу всё оживилось, засуетились люди с мешками, чемоданами. Подъехала машина с военными. Они быстро построились прямо перед поездом. Командир что-то говорил, инструктировал их и через несколько минут они организованно поднялись в вагон. Рядом заиграла гармошка. Пьяный гармонист, сам пустился в пляс, а за ним и бабы, развеивая широкими сарафанами.

Провожая молодых ребят в армию, родители давали строгий наказ, служить Родине как следует, как положено советскому воину. А следом слёзы лились рекой, да слышались причитания.

Призывников собрали с нескольких ближайших деревень. Ведь железная дорога проходила поблизости. Вот и подтягивались сюда, к станции Ломовис, то одна повозка, то другая.

Отправляли не только молодых познавать военную службу, но и мобилизованных прямо на передовую.

До отправления поезда оставалось несколько минут. Машинист дал предупредительный гудок, но на перроне продолжалась суета.

Почти пустые вагоны, полностью заполнили призывники. Из открытых окон и дверей слышались слова прощаний. Вот ещё один гудок раздался впереди поезда, состав слегка дёрнулся и постепенно стал набирать ход.

Дед Михалыч укладывал каждую посылку так, чтобы в повозке хватило места им самим. Он аккуратно складывал ящики и мешки плотными рядами, а затем стягивал их ремнями. Ведь ехать ещё далеко, четыре деревни впереди.

– Вот Алёшка, учись, коль я ещё живой, – проговорил дед, подтягивая очередной ремень.

– Как помру, меня заменишь, а пока учись да вникай.

Алексей посмотрел на деда с улыбкой.

– Ты, дед Михалыч ошибаешься, я не собираюсь тебя заменять собой. Я на войну пойду немцев бить буду. А когда победим эту, нечисть, я настоящим военным буду, офицером.

– Уть ты куда загнул! Офицером. – Удивился дед.

– Да, офицером. Я в военное училище пойду.

– В училище? Это в какое же училище ты пойдёшь? – Опять удивился дед.

– А я в Тамбов поеду или в Рязань, я лётчиком хочу стать.

– Лё-т-чи-ком!? – Рассмеялся дед.

– Да, дед Михалыч, можешь смеяться, сколько хочешь, а я буду лётчиком, – твёрдо повторил Алексей.

– Ладно, ладно, конечно будешь. Ты, вот что сделай Алёшка, возьми котелок, да сбегай на вокзал водички налей, понял?

– Хорошо, – ответил Алексей.

– Да не забудь ополоснуть, котелок-то.

– Не волнуйся, дед Михалыч, ополосну.

Алексей снял подвешенный на повозке старый помятый котелок и помчался за водой. Он ловко перемахнул через оградку, пробежал по узкой тропинке и оказался рядом с вокзалом. Но тут Алексей остановился как вкопанный, он чуть не выронил котелок из рук, прямо на противоположных путях стоял военный эшелон, а на его платформах красовались новенькие, только что с заводского конвейера, танки.

– Ух, ты-ы-ы! Какие! – Удивился Алёшка.

Ведь он никогда не видел настоящие танки, да ещё так близко. Иногда в деревню привозили фильмы из райцентра, и все мальчишки собирались у экрана в местном клубе. Детвора просто восхищалась, когда в чёрно-белом кино появлялись боевые машины.

Эти железные громадины с настоящей бронёй, ехали, не встречая перед собой никаких препятствий. А из пушек с грохотом вылетали клубы дыма, хотя грохот только представлялся в их воображении, фильм-то немой был. А тут вот они, настоящие, прямо перед ним.

Алексей спрыгнул с платформы, перебежал пути и оказался на противоположной стороне рядом с эшеленом.

– Ух, ты какой! – Разинув рот, Алексей смотрел на настоящую боевую машину. Он только хотел прикоснуться к ней, как услышал громкий мужской голос:

– Эй, ты!

Алексей обернулся и увидел человека в военной форме. В руках у него была винтовка. Он стоял на соседней платформе, рядом с таким же танком.

– Ты что здесь делаешь?

– Я, да я ничего не делаю. Я только хотел на танк посмотреть и всё.

– Танк? Ещё насмотришься в своё время. А теперь давай отсюда, да поскорей, – крикнул военный.

Алексей, склонив голову, снова перешёл железнодорожные пути в обратном направлении и опять оказался на перроне.

– Вот ещё, нашёлся командир, – проворчал себе под нос Алёшка. Он косо бросил взгляд на стоящий эшелон и медленно поплёлся вдоль старого вокзала.

ГЛАВА 3

Спустя четверть часа почтовая повозка выехала из станции Ломовис и направилась в ближайшую деревню Маслолку, что находилась в пяти километрах. Дорога была ухабистой и совершенно разбитой. К тому же после дождей чернозём превратился в сплошную грязь. В некоторых местах огромные лужи разливались так, что объехать их, возможно, было лишь далеко по колхозному полю. Вдоль дороги до самой деревни тянулся насыпной вал, под ним проходила труба, по которой из небольшой речушки паровой водокачкой подавалась вода на станцию Ломовис для заправки паровозов. По своей ширине насыпной вал приблизительно был около трёх метров, а высотой почти два. Некоторые местные колхозники, рискуя перевернуть телегу, всё же использовали его в качестве проезжей части. Поверхность вала была достаточно ровной за исключением небольшой колеи от проезжающих повозок, которые тянулись по насыпи до самой деревни. Не исключали возможность воспользоваться этой дорогой

и почтовики, которые раз или два в неделю доставляли на станцию почту, а так же обратно развозили её по сёлам. Вот и сегодня в обычный будний день по той же грунтовой насыпи медленно недокрытым шагом лошадь тянула за собой гружёную телегу. Слегка поскрипывая колёсами, повозка с почтовыми посылками и тюками газет, немного покачиваясь, двигалась вперёд. До Масловки было далеко, Михалыч, как обычно свесив ноги, и облокотившись на мешки, окружавшие его со всех сторон, сладко дремал. Давно потухшая «козья ножка» свисала с его губ. Самокрутку он никогда не вынимал изо рта, а если вынет, то тут же достаёт клочок газеты и делает новую скрутку.

– Эй, Михалыч! – негромко сказал Алексей. – Посмотри, там какие-то люди.

Старик открыл глаза и осмотрелся вокруг. На самом краю дороги он увидел женщину. Одной рукой она держала ребёнка, а другой большой тюк, связанный из нескольких платков. Следом, держа за руку девочку лет пяти, шёл взрослый мальчишка. На вид ему было лет десять двенадцать. Он с трудом тянул за собой маленькую девочку, она сопротивлялась и неохотно передвигала ноги. Наверное, сказывалась усталость, ведь для маленького ребёнка, да ещё по такой дороге, идти было очень тяжело. Да и парень тащил что-то тяжёлое в другой руке.

– Похоже, это не местные, – добавил Алексей.

Дед посмотрел на Алексея.

– А ну-ка приостанови лошадь Алёшка.

Он раскурил потухшую самокрутку и следом крикнул:

– Куда путь держите, родимые!

Женщина с детьми остановилась. Она повернулась к старику и внимательно посмотрела в его сторону.

– Мы идём в ближайшую деревню, кажется, она называется Масловкой.

– Да, есть такая деревня, – ответил старик.

Он слез с повозки и подошёл к женщине.

– До Масловки ещё далеко, эдак километра четыре. Небось измотались совсем детишки-то, да ноги промокли?

– Да уж, конечно устали, ну ничего какнибудь доберёмся с Божьей помощью.

– Доберёмся, – проворчал старик. – Ты вот что, милая, сажай-ка детей в телегу и сама устраивайся поудобнее, проедем через Масловку, вас довезём, а там прямо на Телешовку.

– А ну-ка Алексей, принимай пассажиров, да поскорей, – крикнул старик Алёшке. – Тяжеловато конечно лошадке, ну ничего доедем.

Через несколько минут тяжёлая повозка медленно тронулась в путь. Лошадь заскользила по мокрому грунту, но Алексею всё же удавалось направлять её чётко по колею и избегать тем самым скольжения. Старик снова закрутил газету, засыпал самосада и опять потянуло лёгким шлейфом ароматного дымка.

– Тебя красавица как звать-то? – Слегка закашляв, спросил дед.

– Меня? Мария меня зовут, то есть, можно просто Маша.

– Ага, Машенька значит, красиво, – улыбнулся старик и снова затащил самосад. – А меня зовут Михалычем, просто Михалыч и всё. А эт вот Алёшка, славный парень, по-мо-о-о-щник, – растянул как на распев последнее слово дед и кивнул на Алексея.

– Ну-у-у! А тебя как звать? – Грозно обратился старик к парню, сидящему рядом с сестрой.

Мальчишка посмотрел на деда исподлобья, но ничего не сказал. Он отвернулся в сторону, хмыкнул себе что-то под нос и бросил взгляд на большое колхозное поле, где вдалеке стояла огромных размеров скирда.

– Ну что ты сынок, нельзя же так, надо отвечать, когда тебя спрашивают, слышишь? – Спросила Маша, не получив ответа она следом сказала:

– Иваном его зовут, Иваном, он у меня старшенький.
– Ох, ты смотри, обиделся, – сказал дед. Яж шутю-ю-ю.
– Вот такой он у меня, – как бы оправдываясь, продолжила Маша.
– Дааа, палец в рот не клади, едрит твою в балалайку, – ответил дед.
– Да, да конечно, отец его погиб на войне и мне приходится воспитывать одной, да вот две дочки ещё.

– А, едрит твою едрит, совсем забыл!

Старик развязал мешок, лежащий под его ногой, и стал в нём что-то искать.

– Куда же я подевал его, вот память-то.

Он засунул в мешок руку почти до самого плеча и достал небольшой бумажный свёрток и развернул.

– Вот гостинцы внучкам везу.

Дед взял несколько конфет с фигурами красивых петушков и раздал детям.

– Это вам, угощайтесь.

– Спасибо дедушка, – сразу же последовал ответ и раздался хруст сладостей.

Старик посмотрел на детей и сам заулыбался.

– Эх, вот детишкам-то радость. – А, ты сама-то, что к родственникам едешь?

Маша повернулась к деду, опустив глаза.

– Что вы, какие родственники, из Москвы мы от бомбёжек бежим, вот думаю в ваших местах остановиться, а дальше посмотрим.

– Из Москвы? – С удивлением переспросил дед.

– Да Михалыч, из Москвы.

– Вот оно как, из самой Москвы, столицы, да в такую глушь, – старик затыкнулся и выпустил изо рта дым как из паровоза. – Так, а почему же сюда в Масловку? Коль ещё остались города-то без немца.

Маша посмотрела на старика, её лицо выражало равнодушие.

– Так у меня и выбора-то не было. Высадили нас из поезда в Ломовисе и даже не объяснили куда идти, где остановиться, что делать дальше.

– Подожди, подожди, это что же получается, этак тебя оставили на произвол судьбы, а где же наша советская власть?! Чай надо было потребовать какое-то жилище, ты же с детьми.

– Да не во власти дело Михалыч.

– Не во власти, тогда в чём же?

– В чём? А всё дело в войне. Сейчас немцы на подступе к столице, решается судьба нашей страны, кто же будет заниматься нашим жильём? Ведь всё это и так ясно, только непонятно другое, я столько времени потеряла на то, чтобы узнать, где находится ближайшая деревня и как туда добраться. Это равнодушие некоторых людей, а не советской власти.

– Дааа, это ты верно говоришь, равнодушие некоторых людей, хорошо подмечено, грамотно. Только вот что я скажу, нехороший народ в этих местах, злой, трудно тебе будет здесь.

– Да что вы Михалыч, сейчас всем трудно, война же. А люди-то что, страдают от этой войны проклятой, недоедают, вот и возникают конфликты из ниоткуда.

– Из ниоткуда? – Как бы сам у себя спросил старик. – Нет, Машенька нет, из ниоткуда ничего не берётся и ничего не появляется, всё гораздо сложнее.

За разговором время шло быстро. Повозка, немного покачиваясь, медленно двигалась вперёд вдоль насыпной грунтовой дороги. Алексей тихонько понукал лошадь и слегка подёргивал вожжи:

– А ну-ка милая, давай немного осталось! Но-о, вперёд, вперёд.

Дорога приобрела небольшой уклон, лошадь стала ускорять ход. Рядом с дорогой появился овраг, он становился больше и больше. За оврагом были отчётливо видны колхозные поля. Ветер перемещал злаковые волны вдоль огромных просторов. Казалось впереди самый

настоящий океан. Только там, вдали горизонта виднелись как бы тонкие нити разделяющие поля, это высаженные длинными рядами деревья. Местные жители называли их посадками. В зимнее время эти насаждения задерживали снег, чтобы весной на полях было больше влаги.

Среди местных просторов, недалеко от колосистого поля Маша увидела Масловку. Деревушка была видна вся, так как находилась в самой низине ландшафта. Вдоль просёлочной дороги по обе её стороны ровными рядами стояли дома с цветущими садами и высокими деревьями. Рядом с колхозным полем на большом травянистом лугу паслись коровы. Стадо было небольшое и животные свободно разгуливали по местному пастбищу слегка пощипывая зелёную и сочную травку.

По другую сторону деревни возвышалась высокая гора. Её склон был покрыт густой травой, а на самом верху этой горы был сплошной жёлтый песок. Издалека казалось, что выглядит она как большая человеческая голова с лысиной наверху, вот так местные жители и прозвали её лысой горой.

Маша смотрела вдаль, на эту красоту, неповторимую и немного пугающую. Ведь здесь, среди природных высот, полей, в этой небольшой деревушке ей придётся жить и воспитывать детей.

ГЛАВА 4

Деревенские сады возвышались над единственной улицей, которая тянулась длинной извилистой дорогой между каменными домами с высокими соломенными крышами. Казалось, эта дорога была приспособлена только для перемешивания грязи чернозёма, а никак не для езды повозок, которые из последних сил тащили несчастные лошади. В некоторых местах дорога раздваивалась объезжая огромные лужи, а то и некоторым образом доходило до того, что деревенские повозки ехали где попало чуть не цепляя дворные ограждения. Огромные болота дождевой воды доставляли удовольствие только местной детворе. Своими босыми ногами мальчишки проносились по лужам, поднимая вверх брызги и получая тем самым необыкновенное наслаждение.

Недалеко от дороги, при въезде в деревню, располагалась ремонтная база колхозной техники. Тут же стояли косилки, несколько плугов для вспашки земли и трактор со снятым радиатором. По всей видимости, эта техника ржавела здесь не один год. Запчасти и всякий металл в виде швеллеров и уголков разбросаны по всей территории. Почти вросшие в землю в высокой траве виднелись несколько блоков ходовой части прицепных комбайнов. Остальная часть базы была вся заросшая высокой травой. Это жуткое зрелище напоминало место ведения боевых действий, а не ремонтную базу. Чуть ближе к деревенским домам стояла кузня. Широкое каменное строение по самые окна уходило в землю. Около двери напоминающей вход в сказочное подземелье насыпана огромная куча каменного угля. Он явно предназначался для топки кузнечной печи, чёрные следы вели прямо к входу в помещение. Из вытяжной железной трубы потягивало небольшим дымком.

Тут же за кузней стояло и здание правления. Высокий, красивый дом было видно издалека. Несколько больших окон выходили на улицу. Резные наличники были выкрашены в яркий белый цвет и бросались в глаза. Дом был полностью деревянным, и красивые узоры окружали его со всех сторон. Местные умельцы очень старались показать свой талант и расписать здание правления так, что действительно оно выглядело красиво и даже забавно. Построен он был уже в советское время и именно под правление колхоза. Поэтому строители, которыми были сами колхозники, позаботились о создании просторных и удобных помещений для конторских работников. Даже выходящая на улицу веранда выглядела огромной, с длинными и широкими скамейками по её периметру. Дом был окружен палисадником с растущими там цветами. К стоящему около ограды деревянному столбу были привязаны две запряженные лошади, одна из которых принадлежала председателю колхоза. Повозка напоминала малень-

кие дрожки, что были двухместного типа, компактные, лёгкие на ходу, которые, скорее всего, достались ему от хозяина местных земель помещика Маслова, кстати, от его фамилии и произошло название Масловка этой деревушки.

Почтовая телега остановилась напротив дома правления. После нелегкого переезда со станции от лошадей несло сильным запахом пота. Не успели лошади остановиться, как рой оводов и мух сразу на них накиннулся.

– Эх, едрит в твою балалайку налетели, – возмутился дед.

– А ну-ка, Алешка, напои лошадей.

Алексей, недослушав до конца деда, схватил ведро из-под телеги и тут же побежал к недалеко стоящему колодцу.

– Ну, вот Мария, приехали в Масловку, буди детей. – Дед обернулся к Маше и улыбнулся.

– Спасибо вам Михалыч, – ответила девушка. – А ну, вставайте, приехали. Ваня дорогой, поднимай сестрёнок.

– Ну, ничего, ничего, немного утомились в дороге, ты уж не спеши, пусть глазки-то протрут, мы ещё постоим немного, пока часть почты разгрузим, да лошадей напоим, а там и тронемся дальше. Ты посмотри как глазки-то трут, просыпаются дочурки твои, – не меняя улыбки на лице, ответил дед. – Да кстати, а вот и сам председатель.

С крыльца правления по невысоким ступенькам спустился небольшого роста старичок. Как показалось Маше, для председателя колхоза он выглядел несколько странно. Его пиджак, кстати сказать, большеватого размера, почти прикрывал колени. Да и брюки были широковаты, они торчали из сапог как две парусины.

Увидев почтовую повозку, председатель тут же направился к ней.

– Савельев, Василий Тимофеевич, ваажная персона, – как на распев протянул дед.

Маша даже немного улыбнулась, ведь понять городскому человеку, москвичке, почему старик выдавший виды пиджак должен быть по колено, выглядело загадкой. Конечно, старик был маленького роста, но все же. Кстати он был не просто стариком, а старцем. На вид ему можно дать лет девяносто, а то и больше. Глубокие морщины были по всему лицу. Из-под густых бровей смотрели маленькие глазки. А вот большой нос, не совсем красил высохшее и обтянутое кожей лицо. Да и большие уши, торчащие из-под фуражки, тоже не добавляли красоты.

– Здравствуй дорогой, что ж ты прямо со станции!?! – Крикнул председатель и мелким шагом, быстро перебирая короткими ножками, подошел к почтовой повозке.

– Здравствуй Василий Тимофеевич, – ответил Михалыч. Да со станции, сейчас лошади отдохнуть маленько, да поедем дальше на Телешовку.

– А, ну хорошо, хорошо. А это кто такие сидят и носики потирают? – Шутливо спросил старик, обращаясь к детям.

– А мы как раз в вашу деревню едем, вот хорошо, что застали вас на месте, – сказала Маша.

– К нам в деревню? С удивлением переспросил председатель.

– Да беженцы это Тимофеич, из Москвы, – сразу внёс ясность в разговор Михалыч.

– Из Москвы? – Как бы ни расслышав, переспросил председатель.

– Да из самой столицы, – ответила Маша.

– Что же там бомбит немец, Москву-то?

– Да бомбит. Совсем страшно стало, много бегут людей оттуда. Я-то, конечно, осталась бы, но вот дети.

– Да, да именно дети и страдают.

Савельев посмотрел на детей. Девочки удобно расположившись в телеге, рассматривали деревню. А тут подлетели две бабочки и закружили вокруг. Большие и красивые крылья, под-

нимали их вверх, то опускали вниз. Они как бы красовались на показ, пытаясь сказать, ну вот мы какие, посмотрите на нас.

Широко раскрыв глаза девочки, смотрели на их пируэты и удивленно улыбались. Все же в городе не всякий раз увидишь такое.

В глазах председателя не было никаких эмоций. Он смотрел на лица радостных детей, с каким-то сожалением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.